

Меньшиков Анатолий
(актер)

14.02.07
(февр.)

Своя колея

Вообще-то Анатолий Меньшиков проживает не в нашем доме, а напротив. Еще до Шукинского училища начинал на любимовской Таганке, Лораном в «Тартюфе». И вот уж 30 лет он актер Вахтанговского театра. Колыбель свою — и театр вообще — любит нежно, хотя порой и печалится на сей счет. А все роли, которые играл и играет, будь то Панталоне («Турандот») или граф Арчинбаут («Роза и крест»), Ростовщик («Маленькие трагедии») или король Пиф-Паф («Про Ивана-не-Великана»), лорд Хестингс («Ричард III») или Иван («Без вины виноватые»), заполненный помреж во «Фредерике» или конюх Лорио в «Мадемузель Нитуш», — все роли им присвоены, а все герои приголублены. В каждом, даже самом смешном, актер находит лирический мотив.

Однако есть у Меньшикова и иные пристрастия, и иные таланты. Он, например, архивариус и пипит Дома актера. Он наша «база данных». Он наш «секретный отдел». Про всех знает все. Разбуди его ночью, и он без запинки ответит, кто из актеров родился вчера, кто сегодня, у кого из завсегдатаев и друзей Дома дата круглая в этом году, а кто еще до юбилея не дорос, кто родился в один день с тираном, а кто со святым или известным писателем. Познания свои Анатолий Меньшиков расширяет и демонстрирует ежемесячно и ко всеобщему удовольствию. Ежемесячно на «Круглой дате» (есть и такие — совсем домашние — вечера

в нашем Доме) встречаются по 8—10 юбиляров разного «достоинства» — в смысле, возраста. И про каждого Меньшиков умеет срифмовать не просто оду, но небанальную и неформальную оду. Без пустых словословий, но с точными фактами в руках, смешно и изящно. Так что Меньшиков-поэт по совместительству еще и частный детектив, и журналист, дознающий многого, о чем порой и сами юбиляры забыли.

Но и это не все о нем. 8 лет он работал на радио «Говорит Москва». Вел, в сущности, тоже «отдельную» передачу. Каждое воскресенье в прямом эфире читал москвичам свои любимые стихи (а знает он их тьму), т. е. душевно образовывал наших сограждан, уменьшая процент одичания и очерствения современной жизни. Выявлял в этой массе «своих» и «наших», принимал заявки от радиослушателей и тут же их исполнял: слушатели называли стихи, а Меньшиков тут же и читал их «на бис». А это вам не фунт изюма. Закончилась эта красотища, как и следовало ожидать. Лирики сегодня, увя, не в почете. Да еще когда лирики, неожиданно для всех, ведут себя как настоящие мужики, прущие своей колеей. Когда Меньшикову объявили, что его любимого главного редактора с радио уволили, он, человек порыва и поступка, не нашел ничего лучше, как громко спросить, в чью башку пришла такая светлая мысль.

А вот тут мы наконец вплотную подошлись к тому, что случилось

25 января, в Татьянин день, когда Москва наконец утонула в снегу. Меньшиков опять всех удивил и согрел. В Камерном зале Дома актера, на фоне черных ширм гармошкой, с аккомпанементом под сурдинку, перед коллегами и друзьями, демократично рассеянными по черным лавкам (все казалось очень таганковским!), Меньшиков читал Высоцкого.

Казалось бы, не его это дело. Не знаю, почему так казалось. Ну Пушкина, Боратынского, ну Гумилева, ну Хармса или Сашу Черного — пожалуйста. Но Меньшиков признался, что стихами Высоцкого болен давно и даже «как-то нездоров». А за два часа доказал, что его «нездоровье» прекрасно.

Он читал на память редкое и не всем знакомое и с листа общеизвестное, снова «по просьбам трудящихся». И со стихами возвращался к нам его герой, как живой. И возвращалось острое ощущение времени «сонной державы, что раскисла, опухла от слез». Он читал даже песни Высоцкого, но так, что и в них следовало признать стихи. Еще при жизни Высоцкого, как с горечью вспоминала Марина Влади, некоторые из его «друзей-поэтов» посмеивались над этой «блажью» легендарного актера и обожаемого барда. Зачем ему еще звание поэта? Он и так знаменит. И после смерти Высоцкого спорили, кем же он останется в памяти страны и народа — актером, или бардом, или поэтом. Во всех этих посмертных спорах, бесконечных воспомина-

Домактера. 2007. - февр. - с. 3.

ниях, «модах на...» образ Высоцкого за последние годы изрядно успели и память, и заляпать. Меньшиков в этот вечер выглядел адвокатом поэта и человека Высоцкого.

Еще вчера казалось, он ушел навсегда, утих, устарел, стал историей. Теперь популярны другие, сладкие голоса, не рвущие душу и не рвущиеся из всех сухожилий. Но после маленького вечера Анатолия Меньшикова в воздухе будто посвежело. Вышло, что и строка Высоцкого к месту — в нашей жизни, что «бескрыла и треножит», что и голос Высоцкого по-прежнему необходим, когда мы снова превратились в рыб и болтаемся, как камни в торбе.

Читали и слушали стихи, а получилось, что вспомнили человека,

который выбирался своей колеей, чего и нам до сих пор желает.

Стремление Анатолия Меньшикова жить по-своему в пространстве, «где утеряна стремительность», выглядит, может быть, авантюрой. Но его порыв так безыскусен, что на него нельзя не отозваться. Можно, конечно, грустно вздохнуть и выпить «за успех безнадежного дела». Но можно и приободриться, вспомнив, с каким нажимом он прочел строку из Высоцкого: «Мне выбора, по счастью, не дано». Человек, давно и твердо сделавший выбор, не может вызывать печали. Он выбирается своей колеей и, значит, счастлив и прав.

Наталья Казьмина
Фото М. Спунта